

На правах рукописи

Раджабова Гулнора Сафаралиевна

**ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ
КОНЦЕПТОВ «ҲАСАД/ЗАВИСТЬ/ENVY» И
«РАШК/РЕВНОСТЬ/JEALOUSY»
(на материале таджикского, русского и английского языков)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

Автореферат
диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Душанбе – 2024

Работа выполнена на кафедре иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана

Научный руководитель: **Джамshedов Парвонахон**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры иностранных языков
Национальной академии наук
Таджикистана

Официальные оппоненты: **Баротзода Файзиддин Камолиддин** –
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой стилистики и теории
перевода Таджикского государственного
педагогического университета имени С.
Айни

Курбонова Хафиза Халимовна – кандидат
филологических наук, старший
преподаватель кафедры теоретического и
прикладного языкознания Российско-
Таджикского (Славянского) университета

Ведущая организация: Международный Университет
иностраных языков Таджикистана имени
С. Улугзода

Защита диссертации состоится 11 июня 2024 года в 15:00 часов на заседании диссертационного совета 73.1.007.01 при Институте языка и литературы имени А. Рудаки Национальной академии наук Таджикистана по адресу 734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 21.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке имени Индиры Ганди Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33) и на сайте Института языка и литературы имени А. Рудаки (www.izar.tj).

Автореферат разослан « _____ » _____ 2024.

**Учёный секретарь
диссертационного совета**

Мирбобоев А.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В современном научном знании проблеме концептов уделяется весьма пристальное внимание, поскольку возрастающий интерес к различным паттернам взаимодействия языковых и ментальных структур расширяет площадку для исследований взаимосвязи различных языковых картин мира и специфических особенностей каждой из них.

Между тем, следует отметить, что в отечественной (таджикской) лингвистике наблюдается определенный дефицит исследований, посвященных концептам, хотя в последние годы так называемая «концептуальная» тенденция приобрела явную активность.

Актуальность темы настоящего исследования заключается в его направленности на осмысление концептов «зависть» и «ревность», существующих не только в сознании современных таджикоязычных и русскоязычных таджикистанцев и англичан, но и выявляющихся как в системно-языковых (лексика и паремиологический фонд) средствах, так и в прецедентных текстах. Более того существует необходимость дополнения традиционных представлений о репрезентации концептов «зависть» и «ревность» современными лингвокультурологическими исследованиями именно в рамках таджикского языкознания.

Обращённость данного исследования к проблеме взаимодействия принципиальных для современной парадигмы знаний категорий: концепта, лингвокультурологии и эмотиологии, актуализирует тенденцию к междисциплинарным исследованиям.

Более того, изучение концептуальных различий долгое время находилось вне поля зрения ученых, ибо в государстве с единым социально-политическим устройством, которое представлял собой СССР, сложился единый многонациональный народ со специфическим менталитетом, до сих пор определяющим многие стереотипы речевого поведения, вызванного в том числе и эмоциональным состоянием.

Актуальность темы диссертации также подтверждает факт отсутствия в отечественном языкознании исследований, направленных на синхронный срез обыденного сознания разноэтнических таджикистанцев, что относит данную работу к числу лингвистических трудов, трактующих национально-географические концепты.

Степень научной разработанности темы диссертации определяется наличием современных исследований, посвященных концептуализации действительности и языкового сознания, и исследований в области проблем интерпретации языковой картины мира, которые были проведены такими учеными, как Аскольдов С.А., Карасик В.И., Вежбицкая А., Лихачев Д. С., Арутюнова Н.Д., Нерознак В.П., Ляпин С.Х., Попова З.Д., Стернин И.А., Бабушкин А.П., Воркачев С.Г., Степанов Ю.С., Искандарова Д.М., Каримова Н.И., Давлатмирова М.Б., Ананина Т.С., и другими.

Вопросы эмотиологии и эмоциональных концептов, соответственно, затрагивались в трудах Шаховского В.И., Мягковой Е. Ю., Гака В. Г., Седых А.П., Красавского Н. А., Апресяна В.Ю., Адамчука Т. В., Заримбетова А. А., Зотовой А.Б., Эбзеевой Ю.Н., Ленко Г.Н., Слипецкая В.Д. и других.

Проблематика концептов в паремиологическом срезе рассматривалась Телией В.Н., Ильиной Л.Е., Кульковой М.А., Ивановой Е.В., Алимом К. и Асхатом К. Аппоевыми, Бабияном Т.В., Лакоффом Д., Джонсоном М., и другими учеными.

Тематика психолингвистических экспериментов, выступающая как одна из главенствующих в контексте настоящей работы, была затронута Архиповой С.В., Погожей С.Н., Тимошиловой Т.М., Горошко Е.И., Залевской А.А., Вахтиным Н.Б., Головки Е.В., Григоренко Н.В., Камышанченко Е.А., Фазиловой Ш.К., а также целой плеядой других исследователей.

Вопросы, связанные с общечеловеческими универсалиями «зависть» и «ревность» как базовыми концептами языковой культуры, всегда привлекали исследователей; при

этом особый интерес к ним проявляли лингвисты, в частности Юшкова Н. А. «Концепт ревность в художественной прозе Ф.М. Достоевского: лингвокультурологический анализ» (2003г.); Григоренко Н. В. «Концепт "envy" и его языковая репрезентация в современном английском языке» (2008 г.); Стефанский Е. Е. «Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании: на материале русского, польского и чешского языков» (2009г.); Несветайлова И.В. «"Зависть" и "ревность" как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур» (2010г.); Евтушенко О.В. «Эволюция концептов в художественной речи как отражение ее когнитивного потенциала» (2011г.); Матыцина М.С. «Средства выражения речевых актов зависти и ревности в современном английском языке» (2013 г.); Волкова Я.А. «Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте» (2014 г.).

Выше уже было отмечено, что концепты стали предметом изучения со стороны отечественных ученых относительно недавно. Инициатором этого исследовательского «тренда» считается доктор филологических наук, профессор Искандарова Д. М., заведующей кафедрой теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета. Под ее руководством были защищены ряд диссертационных работ: Пак А.О. «Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках» (2009г.); Гулова З.А. «Концепт «Еда» в русском и польском языках» (2015г.); Мамедова М.Дж. «Концепт «ум» в таджикской и русской языковых картинах мира» (2015г.); Имомзода М.М. «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» (2017г.); Каримова Н.И. «Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков)» (2019г.); Фазилова Ш.К. «Концепт «богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок)» (2019г.); Рахмонова Н.Б. «Отражение концепта «свадьба» в таджикском и памирских языках (на материале прецедентных текстов)» (2019г.); Давлатмирова М.Б. «Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков)» (2019г.); Курбонова Х.Х. «Национально-специфические особенности концепта «Сабр» (Терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах» (2020г.); Бойматова Н.К. «Семантическое поле концепта «красота» в таджикской и английской лингвокультурах» (2020г.).

В этом же контексте следует отметить работы Рахими С.С. «Концепт «измена» в русском и таджикском» (2016г.), Махдии Мухаммадбегии Косвои «Лексико-семантическое поле «Еда» в персидском и русском языках» (2016г.); Хоркашев С.Р. «Лексико-семантический и морфологический анализ предметной лексики в южных и юго-восточных говорах таджикского языка» (2015г.); Мирзоева Х.Х. «Лексико-семантическое поле horse/асп в английском и таджикском языках» (2014г.); Гадайбаевой У.А. «Функционально-семантическое поле темпоральности в таджикском и английском языках» (2007г.), Будны И. «Функционально-семантическая категория темпоральности на материале славянской и романской групп индоевропейских языков» (2006г.), в которых фрагментарно затрагиваются отдельные вопросы таджикской концептуальной картины мира изучаются в сопоставительно-типологическом и семантическом аспектах.

Как видим, исследования в заявленном направлении в ведущих вузах страны на сегодняшний день достаточно ограничены, хотя, повторимся, изыскания в данной области находятся в стадии активизации.

Представленный краткий перечень уже исследованных вопросов, но все еще сохраняющих свой дискуссионный статус, определил круг целей и задач настоящего исследования. Так, целью данной работы является комплексное изучение теоретических основ исследования эмоциональных концептов и исследование пластов лексико-

семантической реализации эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» в таджикском, русском и английском языках.

Достижение поставленной цели требует решения следующих конкретных задач:

1. Рассмотреть типы и методы описания эмоциональных концептов;
2. Определить суть понятия «эмоциональная языковая картина мира» и на его основе идентифицировать лексические средства языковой актуализации эмоций;
3. Выявить роль и место концептов «зависть» и «ревность» в системе нравственных отношений;
4. Провести дефиниционный анализ концептов «зависть» и «ревность» в таджикском, русском и английском языках с выявлением деривационных и синонимических пластов и устойчивых сочетаний;
5. Классифицировать пословицы и поговорки, актуализирующие концепты «зависть» и «ревность» в исследуемых языках, в соответствии с их идейным содержанием;
6. Проанализировать способы метафорической реализации концептов;
7. Провести ассоциативный эксперимент, направленный на установление специфических паттернов национальной культуры в контексте языкового сознания отдельных этнических групп.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Общими признаками для таджикского, русского и английского языков являются: представление о зависти как о негативно-маркированном явлении этического ряда и представление о ревности как амбивалентной эмоции, семантическими признаками которой являются полярные признаки «любовь» («забота») — «ненависть» («сомнение», «недоверие»);

2. Исследуемые концепты «зависть» и «ревность» структурируются по принципу прототипов, ядро которых представлено прямой номинативной единицей, в приядерную зону входят дериваты ключевой лексики и их синонимы, периферийная зона представлена лексемами, отражающими причинно-следственный результат ощущения индивидом зависти/ревности;

3. Лексические средства не всегда напрямую передают эмоциональное состояние, но они помогают реализовать эмотивный фон сообщения, передать образность и экспрессивность высказывания, передать колорит местности или социальной группы, при этом одни и те же лексические средства могут передавать различные, иногда прямо противоположные, эмоции и эмоциональные состояния.

4. Паремнологические единицы манифестируют эмотивно-поведенческий аспект концептов «зависть» и «ревность». Внутреннее содержание - это своеобразный посыл в форме назидательных высказываний, сентенций общего характера, призывающих стабилизировать межличностные отношения.

5. Таджикская культура оказывает влияние на русскоязычных жителей

Таджикистана, что подтверждается, в частности характером реакций на слова-стимулы «зависть» и «ревность». С другой стороны, это влияние приводит к консолидации русской диаспоры, проживающей на территории республики, делая представителей русского этноса неотъемлемой частью таджикского общества.

6. Национальному языковому сознанию свойственна грамматическая категоризация концептов, то есть носитель языка при репрезентации концепта в конкретном речевом акте выбирает и его грамматическую форму. Как правило, чаще всего концепт объективируется посредством существительного, реже - с помощью прилагательного или глагола.

Теоретическая значимость исследования определена несколькими ключевыми для настоящего труда факторами:

1. проанализированный теоретический и практический материал может стать полноценной ресурсной базой при проведении исследований в таких сферах

современного языкознания, как лингвокультурология, этнопсихолингвистика, когнитивная лингвистика, эмотиология, социолингвистика и при рассмотрении вопросов национальной специфики универсальных базовых концептов.

2. Концептуальный анализ фактического языкового материала базируется на обобщении, сопоставлении и сравнении фактов лингвистики, этнографии, когнитологии, эмотиологии, что наделяет работу реальной перспективой стать предметом научного интереса экспертов, изучающих диады «язык и культура», «язык и мышление», «язык и этнос».

3. Представленные в работе принципы описания эмоциональных концептов расширяют базу для научных исследований в изучении других концептов. Данное исследование может способствовать дальнейшему развитию категориального аппарата лингвокультурной концептологии, эмотиологии и когнитивной лингвистики.

Комбинации представленных выше факторов и каждый из них в отдельности потенциально призваны обогатить комплекс подходов и методов в рамках теоретических изысканий по различным проблемам современного языкознания, а также могут стать отправной точкой дальнейших исследований других когнитивно и коммуникативно важных национальных концептов и национальных концептосфер.

Практическую значимость результатов диссертационной работы подтверждает факт перспективы их использования не только в лекционных, но и в практических курсах в процессе преподавания таких дисциплин, как социолингвистика; межкультурная коммуникация; когнитивная лингвистика; эмотиология; лексикология английского, таджикского и русского языков; страноведение; лингвокультурология. Полученные данные также могут быть рассмотрены в качестве актуального фактического материала при формировании лингвострановедческой компетенции в рамках изучения английского, русского и таджикского языков.

Материалы исследования могут стать основой при разработке и написании не только учебных пособий для проведения специальных курсов и научно-исследовательской работе студентов и аспирантов, но и при составлении ассоциативных словарей. Отметим, что особую важность этот аспект приобретает именно в рамках таджикского языка ввиду полного отсутствия последних в отечественной лексикографии.

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые в отечественном языкознании предпринята попытка полноценного, всестороннего анализа эмоциональных концептов. Впервые проводится исследование феномена «зависть» и «ревность» с позиции концептуализации в таджикском языковом сознании на всех уровнях языка: лексическом, морфологическом, семантическом и синтаксическом. Другим значимым аспектом, подтверждающим новизну настоящей диссертации, является рассмотрение признаков влияния и взаимовлияния национальных концептосфер русских таджикистанцев и этнических таджиков, проживающих в едином территориальном пространстве в условиях естественно многолетнего межкультурного взаимодействия этносов.

Объектом изучения являются эмоциональные концепты, представленные словами конкретной и абстрактной семантики, воплощающие специфику духовной и социальной культуры трех народов - русских, таджиков, англичан.

Предмет исследования представляют структура и содержание эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» в русском, таджикском и английском языковом сознании.

Теоретической основой исследования послужили обоснованные в современной языкознании положения о том, что люди мыслят концептами как ментальными единицами, а язык выступает средством овнешнения (объективации) содержания человеческого сознания и средством доступа к национальному сознанию. Базу диссертационной работы составили фундаментальные работы в области когнитивной

лингвистики, лингвокультурологии, концепций языкового сознания и языковой и эмоциональной картин мира.

Методология исследования. Специфика задач исследования обусловила обращение к самым различным методам лингвистического анализа. Лингвокультурологический подход, избранный в качестве базового, обеспечил анализ языковых явлений в тесной связи с носителями лингвокультуры. Для решения поставленной цели и задач были применены общенаучные способы выборки языкового материала: наблюдение, сравнение, систематизация. В процессе изучения концепта применялись лингвистические методы и приёмы анализа: контекстуальный анализ языковых средств, объективирующих концепт; структурно-семантический анализ и компонентный анализ языковых репрезентаций концепта, анализ словарных дефиниций. При исследовании материала мы использовали метод сплошной выборки, метод классификации, метод компонентного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод когнитивной интерпретации.

В работе нашли свое широкое применение целый ряд междисциплинарных и специализированных подходов, методов и приемов, в частности экспериментальный метод – метод свободных ассоциаций и субъективных дефиниций. Список апробированных приемов дополнили количественные методики.

Основным материалом исследования послужили:

- единицы паремиологического фонда трех языков (таджикского, русского и английского);
- лексические единицы, полученные методом сплошной выборки из газет и журналов, различных форумов (русско-, таджико-, англоязычных), где обсуждаются межличностные и семейные отношения, фильмы и сериалы с «закрученной» сюжетной линией, литературных сайтов (со свободной публикацией), семейных ток-шоу;
- результаты ассоциативного эксперимента, позволившие выявить национально-культурную специфику языкового сознания относительно исследуемых концептов.

В качестве дополнительного материала привлекались таджикские, русские и англоязычные толковые, этимологические и ассоциативные словари.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на традиционных научных конференциях различного уровня Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, Российско-Таджикского (Славянского) университета, Таджикского национального университета, Таджикского государственного института языков им. С. Улугзода, Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни, Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова (2017-2023 годы). Работа обсуждена на расширенном заседании кафедры иностранных языков Национальной академии наук Таджикистана (протокол № 3 от 1.03.2024 года) и рекомендована к защите.

Результаты диссертационного исследования, полученные на различных этапах его выполнения, нашли отражение в 10 статьях, 4 из которых опубликованы в сборниках, включенных в перечень ВАК Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура диссертации соответствует целям и задачам исследования и состоит из введения, трех глав, подразделенных на параграфы, таблиц в количестве 6 единиц, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и новизна исследования; выявлена степень научной разработанности темы; определены цели и задачи; сформулированы положения,

выносимые на защиту; отмечена теоретическая и практическая значимость; установлены объект и предмет изучения; описана теоретическая основа и методология; идентифицированы основные и дополнительные материалы исследования, представлены способы апробации ключевых положений и выводов диссертации.

Первая глава диссертационной работы «**Теоретические основы исследования концепта в эмотиологии**» включает пять параграфов, носящих обзорный характер и в рамках которых исследуется природа типы и методы описания эмоциональных концептов, параллельно рассматривается понятие эмоциональной языковой картины мира, выявляется пласт лексических средств языковой объективизации эмоциональных состояний, а также проводится экстралингвистический анализ концептов «зависть» и «ревность» через призму нравственных отношений между людьми разных социальных ролей.

В первом параграфе «**Эмоциональные концепты в лингвистике**» особо подчеркивается, что в сознании российской научной общественности эмотиология прочно связана с именем профессора, В.И. Шаховского. Предпринимается попытка дифференцировать три основных эмоциональных состояния: эмоции, чувства, аффекты с опорой на терминологическую традицию российских лингвистов-эмотиологов – В.И. Шаховского, Е.Ю. Мягковой, В.Г. Гака, В.Н. Телии, Б.И. Додонова, А. Вержбицкой и др.

Проанализировав различные позиции ученых относительно эмотивных средств, в качестве рабочей нами была выбрана дефиниция, предложенная В.И. Шаховским: «Эмотия – это одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения, чувства»¹. Несмотря на факт универсальности эмоций, структура эмотивной лексики имеет национально-культурную специфику, связанную с особенностями эмоциональной языковой картины мира и способов коммуникативных интеракций.

Антропологический вектор современной лингвистики предопределяет междисциплинарный статус категории концепта, используемой в двух новых парадигмах: лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

По мнению лингвокогнитологов А.П. Бабушкина, Н.А. Болдырева, Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина и ряда других ученых, концепты формируются в процессе мысленного конструирования, то есть концептуализации предметов и явлений окружающего мира и отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека.

Когнитивисты уверены, что рождение концепта происходит от первичного конкретного образа; со временем, в процессе коммуникации и познания этот образ в сознании человека пошагово приобретает новые концептуальные уровни, что способствует увеличению объема концепта и насыщению его содержания. Более того, концепт присутствует в национальной памяти носителей языка в виде «познанного вербального обозначенного субстрата», что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению. Плюралистический подход к определению концепта и, как следствие, отсутствие единой, общепризнанной дефиниции концепта указывает на незавершенность гносеологического становления этой категории.

Эмоциональные концепты (ЭК) логично следует отнести к разряду универсальных, поскольку именно они делают «представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга»². Однако, как уже было отмечено, эмоциональным концептам свойственна этноспецифичность, суть которой составляют «индивидуальный эмоциональный тренд и национальный индекс данной культуры. В соответствии с

¹ Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский // - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 192 с.

² Шаховский, В. И. О лингвистике эмоций. Язык и эмоции: Сб. науч.тр. ВГПУ. / В. И. Шаховский // Волгоград: Перемена, 2008. С. 5-15.

изложенными в тексте реферируемого исследования взглядами лингвокультурологов на концепт и эмоциональный концепт, последний понимается нами как ментальная единица высокой степени абстракции, отражающая многовековой опыт этноса в виде общеуниверсальных и культурноспецифических представлений об эмоциональных переживаниях.

В контексте **второго параграфа «Типы и методы описания эмоциональных концептов»** диссертант обращает внимание на расхождение позиций ученых по вопросам классификации концептов, подобная неоднозначность, на наш субъективный взгляд, обусловлена самой природой эмоциональных концептов, в которой заложены конкретные факты деятельности человека, «сюжетная» серия поступков, переживания и чувства; то есть они определяются не словарными статьями, а в результате социального опыта личности, поколений, традиций социума, которому они принадлежат.

Современное научное сообщество когнитивистов представляет целую серию различных классификаций и типологий концептов, зависящих от всевозможных факторов. В частности, В.И. Карасик выделяет три типа культурных концептов: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные. Некоторые ученые определяют концепты в соответствии с определенными группами носителей, которые могут обнаруживать национальную специфику. Лингвокультурологами представлена своя серия классификаций. Ю.С. Степанова продвигает идею о следующих типах концептов: рамочные концепты; концепты круговорота общения; концепты трехфазовой модели действия³. С.Г. Воркачев, выделяя концепты высшего уровня (долг, счастье, совесть) и обычные концепты (автомобиль, язык, мужчина), отмечает при этом факт того, что лингвокультурные концепты в принципе не поддаются типологизации на основе какого-либо единого классификационного признака, и построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов весьма проблематично.

Эксперты выделяют три основных способа языковой репрезентации эмоциональных концептов: 1) с помощью слов, номинирующих различные эмоции и чувства человека. Каждая эмоция и чувство, раскрывающиеся в тексте, обязательно имеют свое «имя», т.е. так или иначе должно быть названо, номинировано; 2) с помощью слов, описывающих эмоции и чувства человека; 3) с помощью эмотивных средств, то есть посредством использования так называемой эмотивной лексики, позволяющей раскрыть характер эмоции или чувства, за которой стоит контекст, речевая ситуация.

В этой связи имеет смысл говорить о трехуровневом построении эмоциональных концептов: 1. понятие о чувстве/эмоции; 2. проявление чувства/эмоции; 3. выражение чувства/эмоции.

Резюмируя, можно отметить, что в современной лингвистике популяризируется тенденция изучения языка как продуктивного способа интерпретации не только общечеловеческой культуры, мысли, природы человеческой психики, но и идентификации характерных национальных особенностей.

В **третьем параграфе «Эмоциональная языковая картина мира»** диссертант констатирует, что по отношению к миру действительности и языку различаются две картины мира: концептуальная (ККМ) и языковая (ЯКМ). Первая отличается богатым содержанием ввиду участия в ее создании различных типов мышления. Языковая картина мира, будучи центральным компонентом языкового сознания, регулярно подвергается коррекции со стороны языковой личности прежде всего в эмоционально-оценочном плане, что обусловлено повсеместным влиянием действующих в языковом обществе социально-психологических факторов. Языковая картина мира, по мнению В.И. Шаховского, в принципе невозможна в «силу гендерных, возрастных, культурных,

³ Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е испр. и доп. / Ю.С. Степанов // – М.: Академический Проект. 2001. – 990с.

темпоральных, географических, политических и др. параметров, которые как раз и не позволяют создать единую для всеобщего языка картину мира»⁴.

Анализ многочисленных работ по языковой картине мира выявляет широкое разнообразие их типов и форм – концептуальная, предметно-сущностная, ценностная индивидуально-авторская, лингвоэмоциональная фразеологическая, универсальная, образная, звуковая, лексическая, цветовая, комическая, наивная и др., и среди всего этого многообразия особо выделяется эмоциональная картина мира.

Наиболее полной считается дефиниция эмоциональной картины мира, предложенная Н.А. Красавским, который рассматривает ее как «определенное множество эмоционально «проработанных» человеком на базе сенсорных, тактильных, в целом – перцептивных образов, исходящих от окружающей среды, представлений, восприятий, ощущений языковенных понятий, являющихся проекцией нашего внутреннего, психического мира»⁵.

Выражение и восприятие эмоциональной языковой картины мира, как правило, представляются в фундаментальных эмоциональных концептах и характеризуют эмоциональную культуру отдельно взятого этноса. Детальный анализ языкового материала, выражающего эмоциональную сторону жизни представителей конкретной культуры позволяет судить об особенностях эмоционального поведения, национального характера этноса в целом.

По аналогии с термином «эмоциональная языковая картина мира» (по Н. А. Красавскому) С.А. Дроздова предлагает ввести в научный обиход термин «концептуальная эмоциональная картина мира»⁶, обосновывая это тем, что концепты являются универсальными хранителями информации, эмоций, чувств, следовательно, любые эмоции, получившие вербализацию, функционируют в языке, взаимодействуют друг с другом и формируют концепты иного рода – эмоциональные. Их специфика, в отличие от универсальных, представлена в оценочном, более чувственном, субъективном восприятии.

В заключении параграфа диссертант отмечает, что в эпоху глобализации роль эмоциональной картины мира возрастает, поскольку современное общество давно перешло грань рационального и общается эмоционально, как на внутрикультурном, так и межкультурном уровнях.

В основу **четвертого параграфа «Лексические средства языковой актуализации эмоций»** легла идея о двояком способе обнаружения эмоций. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речи говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок. Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобно любой другой конкретно наблюдаемой реальности. Соответственно, учитывая наличие в эмоциональном опыте человечества группы универсальных эмоций, можно сказать, что существуют универсальные эмотивные смыслы и в лексической семантике.

На этапе идентификации категорий «эмоциональность» и «экспрессивность» автор отмечает, что отсутствие единого понимания категории «экспрессивность» привело к разному восприятию понятий «экспрессивность» и «эмоциональность», а также к разграничению понятий «эмоциональность» и «эмотивность». Ввиду отсутствия единого

⁴ Шаховский, В.И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации / В. И. Шаховский // Мир русского слова № 1 2019. – С. 35-43 – С.36

⁵ Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография / Н.А.Красавский // — Волгоград: Перемена, 2001. — 495 с.

⁶ Дроздова, С.А. Изучение эмотивности в аспекте РКИ. Функционально-коммуникативное описание языковых картин мира. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. / С.А. Дроздова // Филологические науки. Научный журнал. Том 6 (72). № 4. С. 125–137.

понимания сущности проблемы эмотивности учеными выделяются четыре базовых подхода к ее определению: 1) лексикоцентрический подход; 2) коммуникативная концепция эмотивности; 3) психолингвистический подход; 4) когнитивный подход.

В качестве опорного нами выбран традиционный-лексикоцентрический подход, поскольку среди всех эмотивных средств языка именно лексические средства занимают центральную позицию. Исследователи выделяют два типа слов, реализующих эмоциональную составляющую жизни человека: а) слова, выражающие эмоции и б) слова, сообщающие о них (по Гаку). Здесь важно отметить наличие дифференцирующих признаков у понятий «эмотивная лексика» и «лексика эмоций»; так, первое - это совокупность слов с эмотивной семантикой в статусе значения и созначения, а второе понятие представляет собой слова, не выражающие эмоции непосредственно, а лишь называющие их.

Для выражения эмотивности активно используются все разряды стилистически окрашенной лексики – эмоционально-экспрессивная и оценочная лексика, стилистически окрашенная лексика, которые могут придать высказыванию возвышенное или, наоборот, сниженное звучание. К данной категории можно отнести и разряды лексики ограниченного употребления: лексика диалектная; лексика просторечная; лексика профессиональная; лексика жаргонная; историзмы, архаизмы; неологизмы и даже заимствования.

Категория эмотивности на лексическом уровне выражается при помощи использования лексики ограниченного употребления, заимствований, синонимов, антонимов, устойчивых выражений и междометий. Лексические средства не всегда напрямую передают эмоциональное состояние, но они помогают реализовать эмотивный фон сообщения, передать образность и экспрессивность высказывания, показать чувства по отношению к происходящему, передать колорит эпохи, какой-либо местности или социальной группы. Хотя при этом одни и те же лексические средства могут передавать различные иногда прямо противоположные, эмоции и эмоциональные состояния.

В рамках пятого параграфа «Экстралингвистический анализ концептов «зависть» и «ревность» в системе нравственных отношений» авторскую интерпретацию получают нравственность и всевозможные ее парадигмы, проявляющиеся, в том числе и в эмоциональных концептах, находящихся в органической связи с национальными традициями любого народа и его (народа) религиозными убеждениями.

Эксперты при этом разграничивают нравственные ориентиры западных лингвокультур и культур народов бывшего соцлагеря. В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что на современном этапе развития на второй план уходят такие нравственные чувства, как добродетель, сострадание, милосердие, патриотизм, стыд, утрачивается способность дифференцировать правду и ложь, добро и зло, что формирует в сознании негативные эмоции: злобу, зависть, ненависть, аномальные проявления ревности, месть. На современном этапе социального развития потребность в духовном обновлении общества ощущается особенно остро на всех уровнях социальной структуры общества. Условно обозначим это «духовным обнищанием», в рамках которого происходит размывание моральных, правовых, нравственных норм; отсутствуют или бездействуют какие бы то ни было регулирующие механизмы. В результате общество сталкивается с такими проблемами, как снижение рождаемости, рост бесплодия, распространение и повсеместная пропаганда сексуальных меньшинств, обесценивание института семьи и брака, увеличение числа преступлений в состоянии аффекта и пр.

Напомним, что концепт, будучи «сгустком культуры» (термин Степанова), находит свое воплощение в ментальном мире человека. Более того, концепт всегда национально-специфичен, следовательно, специфично и его место в системе отношений, в том числе и нравственных в культуре каждого народа. Анализ концептуальной актуализации зависти и ревности в системе универсальных нравственных ценностей показал относительную скупость их содержания и специфики, поскольку оба этих феномена носят, главным

образом, оценочный характер. Помимо этого, происходит некое смешение или взаимозамена этих понятий. Подобная тенденция обусловлена тем, что в ревности признаться проще, чем в зависти, которая считается недостойным чувством. Ведь ревность, имеющая объективные основания, не так безоговорочно осуждается обыденным сознанием.

Этическая «реабилитация» зависти и ревности происходит и через призму добродетельной парадигмы. Так, зависть, ревность, любовь, радость, гнев, страх относятся к категории страстей, которым сопутствуют удовольствия или страдания. А страсти принято относить к природным аффектам, неподвластным человеку. И не смотря на отсутствие позитивного смысла в понимании роли зависти и ревности в социуме, они (зависть и ревность) парадоксальным образом участвуют в общей гармонизации общества, которое всегда стремится к принципу справедливости и честному распределению благ; а по З. Фрейду, основателю психоанализа, чувство справедливости порождено только завистью и ревностью. Таким образом, зависть и ревность, являясь, казалось бы, моральным злом, требуют всегда гибкого анализа в каждом конкретном примере.

Вторая часть данного параграфа посвящена вопросу **«Психологическая и теологическая природа эмоций зависти и ревности»** где подчеркивается, что рассматриваемые эмоциональные концепты являются мощнейшим стимулом деструктивного коммуникативного поведения и, наряду с такими эмоциями как ненависть, ревность, презрение, отвращение и т.д., входит в ядро концептуального пространства деструктивности⁷. Психологи объясняют данный феномен тем, что завидующий и /или ревнующий человек находится в состоянии внутренней опустошенности, сопровождаемой разочарованием, печалью, обидой, стыдом, досадой, гневом и пр. В подобном состоянии человек не способен вести себя рационально.

В религиозном дискурсе, а именно в христианской теологии, основной акцент делается на греховной природе зависти («червь для души», «яд для помыслов»). Ислам также осуждает зависть (араб. [hasadun]), причисляя ее к греховным явлениям ввиду деструктивного характера последнего.

В соответствии с кораническими (отметим, что в тексте самого Корана прямое упоминание отсутствует, но его можно встретить в отдельных хадисах и учениях, тематических материалах) и библейскими источниками, зависть стала причиной первого греха на небесах (ослушание Иблисом Аллаха, когда он (Иблис) не преклонился перед Адамом), а также основанием для совершения первого смертного греха на земле (убийство одного сына Адама другим).

В христианстве основной акцент делается на греховной природе ревности. В Библии ревность представлена как чувство крайне опасное, способное побудить того, кто ей отравлен, на самые низменные и жестокие поступки. Но ревность имеет и позитивное значение: защитник и поборник истины. В исламе ревность (араб. [al-ghaira]) также причисляется к греховным явлениям. Однако ревность носит и положительную коннотацию и считается благородным качеством, если трактовать ее как усилие, направленное на оберегание своей супруги, достоинства и чести семьи. Ревность свидетельствует о небезразличном к конкретному человеку отношении.

Вторая глава «Паремиологический фонд как первичный пласт актуализации эмоциональных концептов «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» заждется на идее о том, что паремии максимально полно актуализирует состав и семантику языковых средств, которые репрезентируют, вербализуют, выражают и объективируют исследуемый концепт, параллельно определяя его место в национальной концептосфере. Языковой материал исследования охватывает, прежде всего, словарные дефиниции,

⁷ Волкова, Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. Дис... доктора филолог. наук / Я.А.Волкова // Волгоград, - 2014. – 430с.

симиляры и оппозиты ключевой лексемы, отобранные методом сплошной выборки из словарей и энциклопедий, и примеры из художественных текстов. Обращение к паремиологическому фонду позволит систематизировать эмоциональные и деятельностные сходства и различия в реалиях определенного этноса, поскольку в пословицах и поговорках эксплицитно / имплицитно зафиксирован специфический кодекс поведенческих моделей, рекомендаций, нормо-установок, объективно обосновывающих подходы к принятию практических решений в рамках обыденной деятельности индивидуума.

Для полноценной иллюстрации результатов сопоставительного лингвистического исследования и определения специфики анализируемых концептов на данном этапе работы нами будет применена методика когнитивной интерпретации.

Так в рамках **первого параграфа** второй главы «**Дефиниционный анализ концептов «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» в таджикском, русском и английском языках**» диссертант отмечает, что концепты «хасад – зависть – envy» и «рашк – ревность – jealousy» употребляются как для обозначения соответствующих понятий, так и для фрагментарного их описания. Для полноценной и планомерной передачи значений и максимально точного описания семантического диапазона анализируемых концептов нами были проанализирован целый пласт определений зависти и ревности, что позволило смоделировать структурно-семантические поля эмоциональных концептов «зависть» и «ревность».

Концепт «хасад» в таджикском языке определяется следующим дефиниционным срезом: *рашк, нотавонбинӣ, пеширафти касеро нахостан* и др.

Деривационный ряд представлен лексемами: *хасадвар, хасадкунанда, хасадбаранда, хасадангез* и др.

В синонимический пласт входят: *бадхоҳӣ, нотавонбинӣ, ҳасуд, сук, кина, бухл, бахилӣ, нотавонбин, лаим, хасисӣ* и др.

Группу устойчивых сочетаний составили: *хасад кардан, рашк ва нотавонбинӣ кардан, хасад варзидан, ҳасаду рашк*.

Дефиниционный анализ лексемы приядерной зоны концепта «хасуд» показал наличие следующих единиц, реализующих его значение: *рашкбар, хасадкунанда, бадхоҳ, бадандеш; «ҳосид» - хасадбарарнда, бадхоҳ, нотавонбин, ҳасуд*.

В деривационный ряд вошли: *ҳасудхур, ҳасудӣ* и др.

Синонимический ряд представлен такими единицами, как: *нотавонбин, рашкбаранда, бахилӣ, нотавонбинона*.

Хасад кардан, рашк ва нотавонбинӣ кардан, хасад варзидан, ҳасаду рашк, рашку хасад входят в группу устойчивых сочетаний.

В рамках дефиниционного анализа лексемы приядерной зоны концепта «хасад» были выявлены следующие единицы: *сук/кина; бухл, хасад, кина ва ҳасаде* и пр.

Приядерную зону концепта «хасад» составляют лексемы: *кин, кина душманӣ, адоват, душмание ки дар дил бошад;*

Деривационный слой включает: *кинавар, кинагар* и пр.

Синонимический ряд представлен лексемами: *душманӣ, адоват, бадбинӣ, интиком, касос, чанг* и др.

Пласт устойчивых сочетаний состоит из таких единиц, как: *кени гарм – адоват ва бадбини сахт* и пр.

Концепт «рашк» в таджикском языке определяется следующим дефиниционным рядом: *хасад, бартарии касеро дида натавонистан, рашк бурдан, рашк кардан* и т.д.

Деривационный ряд формируют единицы: *рашкнок, рашккунанда, рашкбар, рашкбаранда, борашк, бадрашк* и пр.

В группу синонимов входят: *хасад, ҳасуд, рашкбар, бадхоҳ, бадандеш, бадният, бадқасд, бадниҳод, бадтабиат* и т.д.

Линейку устойчивых сочетаний составляют: *рашк бурдан, ҳасад кардан, рашку ҳасад, рашку кин, рашку иллат, рашку хусумат* и др.

В ходе дефиниционного анализа концепта «зависть» в русском и языке были выявлены следующие трактовки: Зависть – чувство досады, вызванное превосходством, благополучием другого, желанием иметь то, что есть у другого и несколько аналогичных толкований.

Деривационный ряд отмечен прежде всего отсутствием множественного числа этой лексемы. Были зафиксированы существительные: *завида, завидки, завидность, завистливость, завистник, завистница, завида, завидчик*; глаголы: *завиствовать, завидовать, завистничать*; прилагательные: *завистный, завистливый, завищий, завидующий, завидливый*.

Положительную коннотацию концепта «зависть» передают такие единицы, как: *старательный, ретивый, усердный, целеустремлённый, ревностный в работе*.

Синонимический ряд представляют: *ревность, зариться, жаба*.

Выборка устойчивых словосочетаний фиксирует: *завистливые глаза, поповские глаза, испытывать зависть, завидки берут, чёрная зависть, белая зависть, лавры не дают спать, глотать слюнки от зависти, дурной глаз*.

Дефиниционный анализ концепта «ревность» в русском языке показал следующие результаты: ревность ревности, мн. нет, ж.р. страстная недоверчивость, мучительное сомнение в чьей-либо верности, в любви, в полной преданности, боязнь чужого успеха, опасение, что другой сделает лучше, мучительное желание безраздельно владеть чем-нибудь (Д.Н. Ушаков).

Деривационный ряд составляют: *ревность, ревнивец* и пр.

Синонимический пласт представлен такими единицами, как: *вспыльчивость, недоверие, подозрение* и др.

Положительное значение в концепте «ревность» фиксируется к словам: *заботливость, горячность, усердие* и др.

К группе устойчивых словосочетаний относятся: *ревнивец = Отелло, чудовище с зелёными глазами, муки ревности*.

Анализ дефиниций концепта «envy» в английском языке показал относительную широту его трактовки:

1. the feeling of wanting something that someone else has;
2. a feeling of discontent aroused by someone else's possessions, achievements, or qualities и пр.

Деривационный блок состоит из лексем: *envious, envied, envying, envies, enviousness, envyingly, unenvious*.

Синонимический ряд и частеречная характеристика концепта «envy» равно как и дефиниционный спектр отличаются объемностью:

Существительные (Noun): *covetousness, enviousness, invidiousness, jealousy, resentment, green-eyed monster* и пр.

Прилагательные (Adjective): *jealous, covetous, envious, invidious, longing, malicious, ill will*.

Глаголы (Verb): *begrudge, resent, ache for* и т.д.

К группе устойчивых словосочетаний относятся: *to watch with envy; twinge/pang of envy; tinge of envy* и пр.

Этимологический обзор данной лексемы показал, что впервые она была использована в 13 веке.

Концепт «jealousy» в английском языке находит свое толкование посредством следующего дефиниционного ряда:

1. a feeling of being jealous;
2. the state of or an instance of feeling jealous и т.д.

Деривационный пласт реализуют: *jealousy, jealously, jealousy*.

Синонимический ряд и частеречная характеристика концепта «*jealousy*» объективируются посредством следующих единиц:

Существительные (Noun): *covetousness, enviousness, invidiousness, envy, resentment, green-eyed monster* и пр.

Прилагательные (Adjective): *controlling, demanding, domineering, grasping, covetous, envious, invidious, jaundiced, distrustful* и пр.

Глагольная форма образуется при помощи смыслового глагола в форме словосочетания, отличающегося структурным постоянством.

В группу устойчивых словосочетаний входят: *to be jealous, to keep a jealous eye on one's husband/wife* и др.

Таким образом, в результате проведённого дефиниционного анализа концепта «хасад – зависть – envy» выявлено, что:

- в таджикском языке ядерным значением зависти является чувство глубокого неудовольствия по поводу развития, благополучия других; завидовать богатству, имуществу, авторитету, уважению; желать утрату авторитета и уважения, потерю имущества человеком-объектом зависти;

- в русском языке ядерное значение зависти представляет чувство досады, желание иметь благо, добро, имущество, принадлежащее другому; недоброжелательство и нерасположение к другому ввиду наличия у него определенных благ;

- в английском языке ядерное семантика зависти заключается в чувстве, возникшем как результат недовольства, неудовлетворённости и досады при виде чужих достижений, имущества, достоинства и уважения.

При дефиниционном анализе можно проследить определенную мобильность концепта, то есть его продвижение и фактический переход из одного эмотивного концептуального пространства в другое.

Например, в таджикском языке хасад - это :

1. бадхоҳӣ, нотавонбинӣ - недоброжелательство;
2. суқ, чашмзаҳм, чашми бад - сглаз, порча;
3. кина - ненависть;
4. бухл, лаим, пурхоҳӣ - скупость, алчность и т.д.

В русском языке зависть – это

1. досада о чужом добре или благе;
2. нежеланье добра другому, а одному лишь себе;
3. недоброжелательство к кому-либо;
4. нерасположение к кому-либо и пр.

В английском языке зависть – это

1. *covetousness* – алчность, жадность;
2. *enviousness, invidiousness* - зависть;
3. *jealousy* – ревность;
4. *resentment, resentfulness* – негодование, злоба, обида.

Дефиниционный анализ концептов «рашк – *jealousy* – ревность» дает основания полагать, что:

- в таджикском языке ядерным значением ревности является зависть превосходству других, неспособность адекватно воспринимать счастье и достижения других; ревновать к кому-либо; быть объектом ревности; культивировать чувство зависти; возвращать чувство зависти в ком-либо;

- в русском языке ядерное значение ревности проявляется в чувствах тотального недоверия и мучительного сомнения в чьей-либо верности; в любви, в полной преданности, боязни чужого успеха, и пр.

- в английском языке ядерное значение ревности реализует чувства ревности, гнева и горечи; когда субъект старается найти любовника/любовницу, или вступить в связь на стороне; неприятие и гнев, причиной которых является убеждение в том, что тот, кого ты

любишь, любит другого и/или любим еще кем-либо, кроме тебя; враждебность к противнику в результате превосходства оппонента и т.д.

Рассмотрение данного концепта в его широчайшем дефиниционном диапазоне также демонстрирует факт перехода концепта из одного эмотивного концептуального пространства в другое.

Например, в таджикском языке **рашк** – это

1. хасад, ҳасуд – зависть;
2. бадхоҳӣ, бадандешӣ, бадниятӣ - недоброжелательство;
3. бадқасдӣ – злонамеренность и т.д.

В русском языке **ревность** - это

1. недоверие/подозрение/сомнение /настороженность;
2. зависть;
3. вспыльчивость и др.
4. ревностность, радение, старание, старательность, прилежание, усердие, усердность, рвение, ретивость, рьяность, исполнительность, тщание, заботливый, целеустремлённый.

В английском языке **jealousy** – это

1. covetousness – алчность/жадность;
2. enviousness, invidiousness – зависть,
3. resentment, resentfulness – негодование, злоба, обида и т.д.

Дефиниции, представленные выше, демонстрируют типичные признаки анализируемых концептов и подтверждают факт того, что в сопоставляемых языках данные эмоциональные концепты в основном транслируют отрицательную семантику.

Ракурсе исследовательского внимания во втором параграфе «Концепты «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» в пословицах и поговорках таджикского, русского и английского языков» направлен на анализ единиц паремиологических фондов русского, таджикского и английского языков, объединенных концептами «зависть» и «ревность». В рамках данного параграфа диссертантом определяются компоненты, входящие в понятие «паремия»: афоризмы, притчи, присказки, анекдоты, басни, сказки, крылатые фразы из фильмов, пословицы и поговорки.

В понимании пословиц и поговорок особое место отводится концептам, благодаря которым происходит замещение некоторых идей, имеющих исключительную значимость как личностную, так и коллективную⁸.

Эмоции, как неотъемлемая часть человеческого бытия, составляют основу значительного количества паремий. Так, эмоциональные концепты «зависть» и «ревность», будучи вечно актуальными в системе человеческих отношений, являются базисом эмотивной и ценностной картин мира каждого народа и, закрепляясь в языке и в сознании этноса, «диктуют» поведенческие нормы и прогнозируют возможные реакции в этих остро-эмоциональных жизненных ситуациях.

Анализ показал, что пословицы и поговорки, реализующие концепты «зависть» и «ревность» в сопоставляемых языках, имеют достаточно широкие количественный и аспектный ряды. Опираясь на первичное толкование паремии, мы отобрали для сопоставительного анализа пословицы и поговорки, фразеологические единицы, которые были классифицированы в соответствии с их идейным содержанием.

Так, фразеологические единицы и паремии с компонентом «хасад» (**зависть**) в таджикском языке были распределены на 16 смысловых групп.

- 1) Зависть - губительное чувство (хасуд – харгиз наосуд);

⁸ Lawley J., Tompkins P. Metaphors in Mind: Transformation through Symbolic Modelling. / J. Lawley, P Tompkins // L., 2005. 317 p. – С.6

2) Зависть – потеря спокойствия, душевного баланса (рохате набувад хасуди шумро, козиби бадбахтро набвад вафо);

3) Зависть – безперспективное чувство (Одами бахил ба мақсад нарасидааст);

4) Бедные, бездарные не могут стать объектом зависти (Беҳунар он ки дар офок касаш нест хасуд) и др.

Фразеологические единицы и паремии с компонентом «**рашк**» в **таджикском языке** представлены в рамках лишь одной группы: 1) Ревность сиречь любовь (дил бе ишк ишк бе рашк нест).

Единицы паремиологического фонда (фразеологизмы, пословицы, поговорки) **русского языка** с компонентом «**зависть**» были сгруппированы следующим образом (25 смысловых групп):

1) Зависть – врождённое чувство, естественное для человека состояние (зависть прежде нас родилась);

2) Зависть отличает пагубное начало (железо ржавчину съедает, а завистливый от зависти сохнет);

3) Зависть – источник беспокойства, душевного дисбаланса (зависть покоя не дает);

4) Зависть – бесперспективное чувство (завистью ничего не возьмешь (сделаешь));

Фразеологические единицы и паремии с компонентом «**ревность**» в **русском языке** были сгруппированы в соответствии со следующими тематическими блоками:

1) Пагубная природа ревности (ревность отравляет жизнь);

2) Ревность – чудовище (отрицательный мистический персонаж) (чудовище с зелеными глазами);

3) Ревность – толчок к саморазвитию (*ревновать* — *не надо много спать*).

Фразеологизмы, пословицы и поговорки с компонентом «**envy**» в **английском языке** также подвергнуты тематическому распределению (24 смысловых групп):

1) Зависть – клиническая патология (If envy were a fever, all mankind would be ill);

2) Зависть – губительное чувство (Envy shoots at others, and wounds herself);

3) Зависть – бесконечное чувство (Envy never dies);

4) Зависть – завсегдатый спутник человека (Envy has no holiday);

Фразеологические единицы и паремии с компонентом «**jealousy**» (ревность) в **английском языке** классифицированы по следующим смысловым группам:

1) Ревность сиречь любовь и/или эгоизм (Without jealousy, there is no love);

2) Ревность сиречь зависть (*Beggar is jealous of beggar*);

3) Ревность как пагубное чувство (Jealousy leads to folly and injustice);

4) Несовместимость любви и ревности (Love knows no jealousy);

В ходе рассмотрения мы пришли к выводу о том, что корпус пословиц и поговорок, репрезентирующих данные концепты достаточно объемён и относительно стабилен.

Концепты «зависть» и «ревность» являются центральными социально-психологическими компонентами сопоставляемых концептосфер, которые объективируются в трёх языках весьма обширным и четко структурированным паремиологическим полем. Многочисленные паремии свидетельствуют не только об эмотивной релевантности этого поля, но и коммуникативной значимости для таджикского, русского и английского языкового сознания.

Ядро концептов «зависть» и «ревность» представлено лексемами, семантизирующими досаду по поводу чужого благополучия, добродетели; в приядерную зону входит нежелание добра, недоброжелательство; близкую периферию заполняют злость, ненависть, жадность, алчность и ненасытность; дальнюю – сглаз, порча, накопительство, вещизм.

Поскольку периферия концепта содержит различные определения, толкования, нередко содержание поговорок относится не к ядру, а к несколько удаленной от центра части концепта, состоящей из самых разнообразных когнитивных признаков.

Когнитивная интерпретация паремий также позволяет раскрыть национальную специфику и особенности строения периферийной доли концепта. Можно также констатировать определенную идентичность паремиологических представлений.

Третий параграф «Метафорическая актуализация эмоциональных концептов «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» подразделен на две части. В первой части «**Метафора как средство актуализации концепта: теоретический аспект**» рассматривается понятие метафоры и выявляются ее универсальные характеристики. Отмечается, что когнитивисты воспринимают метафору не только как троп, или традиционное средство создания образности текста; метафора, по их мнению, это «ментальная операция, участвующая в концептуализации и категоризации опыта человека и устанавливающая соотношение между языком и мыслительными процессами» [Богданова]. Функции метафоры отличаются достаточным разнообразием: номинативная, функция воздействия, изобразительная функция, инструментальная функция и др.

Проводя параллель между метафорами и концептами, важно отметить их очевидную корреляцию. Поскольку метафора, выступая в качестве инструмента создания/трансляции языковой картины мира, употребляется достаточно широко, соответственно, она (метафора) может считаться и полноценным инструментом актуализации различного рода концептов.

Мы выражаем солидарность с мнением исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, языковые средства выражения эмоций в большинстве случаев метафоричны. особенно ярко это проявляется, на наш взгляд, в процессе актуализации эмоциональных концептов «зависть» и «ревность», поскольку именно эти эмоции «чаще всего не выражается прямо, а осмысливается по образу некоторой другой системы, уподобляясь чему-либо»⁹.

В качестве базовой нами была выбрана классификация метафор, разработанная В.П. Москвиным, который предлагает рассматривать метафоры по пяти основным параметрам: 1. Тематический (включает в себя несколько типов метафор: антропоморфную, зооморфную, флористическую, пространственную и другие); 2. Семантический (цвет, количество, звук); 3. Функциональный (номинация, образ, оценка); 4. Структурный (простота, развернутость); 5. Контекстуальный (названы объект и субъект, назван только объект сравнения)¹⁰.

Второй подраздел «Способы метафорической репрезентации концептов «хасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» посвящен анализу метафорической объективации концептов «зависть» и «ревность» в таджикском, русском и английском языках, который был проведен на основе практического материала, полученного методом сплошной выборки из газет и журналов («Ойла» (семья), «Фируза», «Домашний очаг», «Моя семья», «Откровения звезд» и пр.), различных форумов (русско-, таджико-, англоязычных), где обсуждаются межличностные и семейные отношения, фильмы и сериалы с «закрученной» сюжетной линией, литературных сайтов (со свободной публикацией), семейных ток-шоу («Мужское/Женское», «Пусть говорят», «На самом деле», «Судьба человека» и др.). Важно отметить, что в центре научного внимания находятся не источники (хотя при выборе мы, безусловно, руководствовались их тематическим диапазоном), а достаточно объемный пласт лексических единиц, реализующих концепты «зависть» и «ревность», что позволит в полной степени реализовать цели и задачи данного этапа исследования

В ходе анализа лексических значений и внутренней формы слова, репрезентирующего концепты, нами был выявлен синонимический ряд лексем-

⁹ Лакофф, Д., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. / Д.Лакофф, М.Джонсон // - М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.

¹⁰ Москвин, В. П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учеб.пособие к спецкурсу по стилистике / В. П. Москвин // - Волгоград: Перемена, - 1997.

репрезентантов концептов «зависть» и «ревность», описаны способы категоризации концептов в языковой картине мира. С целью определения способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующих лексем, необходимо приступить к исследованию метафор. Концепты «зависть» и «ревность» представлены достаточно обширным лексико-семантическим полем слов, содержащих семы.

В таджикском языке зависть и ревность выражены следующим широчайшим блоком лексем – почти 50 единиц, которые получили следующую метафорическую классификацию:

- Концептуальная метафора – *наосудагӣ, хонавайронӣ, бевафогӣ, ғам, ситеза* и др. (всего 7 единиц);
- Антропоморфная метафора – *нафси бад, тунду тез нигаристан, балои ҷон, гадо, душман* и пр. (всего 7 единиц);
- Зооморфная метафора – *шабуш, шири мурғ* и т.д. (всего 7 единиц);
- Биоморфная метафора – *хор*;
- Пространственная метафора – *чахон, гури танг* и т.д. (всего 7 единиц);

В русском языке семантику зависти и ревности реализуют около 80 лексических единиц. Метафорически эти лексемы были разделены по следующим группам:

- Концептуальная метафора – *ложь, смерть, несчастье, жалость, беда*;
- Антропоморфная метафора – *беспокойство, плач, рыдания* и т.д. (всего 25 единиц);
- Зооморфная метафора – *рачьи глаза, пчела* и т.д. (всего 8 единиц);
- Биоморфная метафора – *завянуть, хороший цветок, цвести как цветок, вянуть как трава*;
- Пространственная метафора – *теснота в могиле, чужая клетушка*;
- Медицинская метафора – *болезнь (сохнуть, увядать, чахнуть, ранить, сгинуть), бессонница, нервоз* и пр. (всего 16 единиц);

Выборка лексем, реализующих значение **зависти и ревности в англоязычных источниках**, позволила установить 51 единицу:

Метафорическая классификация «английских» зависти и ревности и ее лексическая наполняемость позволили нам сформировать следующую модель:

- Концептуальная метафора – *immortality, tirelessness, dissatisfaction, death, evil, immorality, great and contempt* и т.д. (всего 21 единица);
- Антропоморфная метафора – *fool, to be worst to praise ourselves, to eats one's own heart, woe, curiosity, inferiority* и др. (всего 15 единиц)
- Зооморфная метафора – *dog, the fish in the sea, good fish*;

В представленных примерах отражен процесс концептуализации не только как описание способов категоризации, но и как процесс вторичного переосмысления лексем. В сопоставляемых языках актуализируется свойство эмотивного переживания, восприятия и мышления в рамках концептов «зависть» и «ревность». Когнитивные признаки представлены как метафорические классификаторы, формирующие информационное содержание и интерпретационное поле концептов. Необходимо подчеркнуть, что границы, очерчивающие концептосферу, достаточно размыты и предполагают переход из одной концептосферы в другую в зависимости от социально-психологической специфики каждого конкретного случая. Анализируемые концепты в ходе соединения лексем по принципу развертывания событий репрезентируют сценарий, предполагающий конкретные причины и условия возникновения и проявления в объективной действительности.

Например, **сценарий зависти** в сопоставляемых языках может быть представлен в такой эпизодической последовательности:

- бадхоҳӣ – нотавонбинӣ – кина;
- суқ – чашмзахм – чашми бад;

- бухл – лаим – пурхоҳӣ - бахилӣ, хасиси, мумсики, чашмтанги, гурусначашми, чашгуруснагӣ, чашмгушнагӣ, оз, озмандӣ, озпарастӣ, ҳарисӣ;
- тамаъ, тамъ, тамаъкори, тамаъварзӣ, тамаъчуй, судпарастӣ, хирс, хирсбаланд.
- досада о чужом добре или благе - нежеланье добра другому, а одному лишь себе - недоброежелательство к кому-либо - нерасположение к кому-либо - дурной глаз;
- старательный, ретивый, усердный, целеустремлённый, ревностный в работе;
- enviousness, invidiousness - covetousness – grudge – jaundice;
- jealousy – suspicion – opposition – prejudice – discontent – backbite – cupidity;
- resentment - animosity – enmity, ill-will – hatred – malice – spite - malignity –rivalry – malevolence;
- deadly seven sins - the evil eye – green-eyed monster - envy in one' s heart - lusting after another's goods - coveting another wife.

Ревность в сопоставляемых языках репрезентирует такую фабульную линию сценария:

- рашк = ҳасад, ҳасуд - бадхоҳӣ, бадандешӣ, бадниятӣ - бадқасдӣ – суктан;
- бадниходӣ, бадсириштӣ – кинадор – душман;
- бадтабиат – бадзамир;
- ғаюрий – ҳамийят – ғайрат;
- чуръат, часорат, далерӣ, шучоат;
- орийат - нангу ор - ору номус - шарму ҳаё;
- недоверие/подозрение/сомнение /настороженность/вспыльчивость;
- ревностность, радение, старание, старательность, прилежание, усердие, усердность, рвение, ретивость, рьяность, исполнительность, тщание, заботливый, целеустремлённый.
- jealousy = enviousness, invidiousness – green-eyed monster - yellow-eyed monster, heartburning;
- resentment – animosity – enmity – ill – will – malice – spite – malignity – hatred
- suspicion – distrust – mistrust – reservations – doubt – qualm – dubiety – dubiousity – questioning – disbelief – lack of faith – skepticism – incredulity – wariness;
- fear -apprehension - misgiving - disquiet;
- uncertainty - indecision –incertitude;
- possessiveness –cynicism;
- covetousness – алчность/жадность.

Таким образом, зависть и ревность в подавляющем большинстве случаев следует интерпретировать как негативные явления, имеющие антисоциальные, деструктивные и дисфункциональные качества.

Третья глава исследования «Ассоциативное поле концептов «ҳасад/зависть/envy» и «рашк/ревность/jealousy» в таджикском, русском и английском языках», носящая прикладной характер, состоит из четырех параграфов. В первом параграфе «Ассоциативный эксперимент как способ исследования национально-культурной специфики языкового сознания» проводится теоретический обзор понятия «эксперимент» и отмечается, что антропоцентрическая направленность современного лингвистического научного знания обусловила высокую степень актуальности именно ассоциативных экспериментов (АЭ).

В настоящем исследовании фактом, демонстрирующим принципиальную новизну в казалось бы традиционных форматах исследования, является средоточие на локальном компоненте. Так, помимо гендерных и количественных показателей, в особый фокус попадает этническая принадлежность респондентов, проживающих на одной географической территории. То есть участниками нашего эксперимента могут стать только таджики и этнические русские, живущие в Республике Таджикистан. Данный

принцип обусловлен потенциальной возможностью определить насколько географическая локация со свойственными ей культурно-исторической predisпозицией и национализацией массового сознания способна генерировать/«усыплять» эмоциональные паттерны представителей разных этнических групп (здесь таджиков и русских). Решение о локализации респондентов было принято ввиду наличия огромного количества работ, направленных на рассмотрение сугубо национальных характеристик этноса, в то время как вопрос лингвокультурной интеграции представителей разных этнических групп в отрыве от территориального размежевания еще не исследовался.

Касаемо носителей английского языка применение данного принципа является нереальным, ввиду чего опрос данной группы респондентов будет осуществлен исключительно в он-лайн режиме. Таджики и этнически русские таджикистанцы смогут ответить на вопросы в таджикском сегменте известнейшей социальной сети Фейсбук, а также при непосредственном заполнении анкеты.

Обобщая поставленные в данной главе работы цели и задачи, отметим, что основной целью на данном этапе является лингвокультурологический анализ лексических единиц, репрезентирующих концепты «зависть» и «ревность» на материале свободного ассоциативного эксперимента, где одним из наиболее распространённых, доступных и в определенной степени объективных методов считается анкетирование.

Цель анкетирования состояла в попытке выявления способов лексической реализации эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» представителями разных лингвокультур в условиях современности, и на ее основе дать базовую характеристику каждой этнической группе. Реализация заявленных целей предполагает участие неограниченного количества респондентов и абсолютную спонтанность их ответов.

Во втором параграфе «Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей таджикского языка» диссертант подчеркивает, что концепт «зависть» был актуализирован целым рядом лексических единиц, имеющих, что вполне ожидаемо, негативную коннотацию. Рассмотрение гендерного аспекта проявления зависти позволяет нам сделать вывод о том, таджички являются более завистливыми, чем таджики (мужчины). Об этом свидетельствует манера заполнения опросников - многие представители мужского пола не представили ни одной реакции на слово-стимул «зависть», в то время как женщины в этом вопросе проявили удивительную активность.

Мужская и женская выборки показывают, что в обеих группах присутствуют как завистники, так и респонденты, не испытывающие чувства зависти, или же осознающие его разрушительную, «разьедающую» природу. Данный вывод обоснован наличием в анкетах таких лексических единиц, как: *боль, беспокойство, сумасшествие* и др.

Исходя из теологической составляющей полученных реакций, можно с легкостью проследить высокую степень религиозности в обеих гендерных группах. Несмотря на относительно ограниченное число «теологических» реакций – *ад, неблагодарность* (высшим силам за то, что имеешь), *сура «Аль-Фалак»* (в тексте этой 113 суры Корана указывается, что Всевышний способен защитить человека от злых козней нечестивцев и завистников, которые лелеют свои мечты о том, чтобы люди, которым они завидуют, лишились своих благ) – респонденты использовали их довольно активно.

Следует отметить и случаи обращения респондентов к прецедентным текстам: паремиям и произведениям таджикской художественной литературы.

Опираясь на полученные результаты анализа реакций на слово-стимул «ревность», можно с определенной долей уверенности говорить о том, что вне зависимости от половой принадлежности и иерархии мотивов, ревности подвержены все представители таджикского этноса. Для многих ревность и любовь составляют неразрывный тандем; часть респондентов воспринимают ревность как прототип зависти.

Однако наиболее неординарной «реактивной композицией», на наш субъективный взгляд, следует считать триаду «ревность – мужчина – религия». Так, в ходе эксперимента было установлено, что большинство таджиков уверены в том, что именно ревность

представляет мужскую сущность/природу, то есть не ревнующий мужчина не является мужчиной. Более того, согласно религиозным канонам, у не ревнующего свою женщину мужчины шансы попасть в рай равняются нулю. Ведь таджикское общество, отличаясь особым традиционализмом в сфере семейных отношений и личной жизни, воспринимает религиозный фактор как инструмент их регулирования; а тот факт, что мужчина – таджик, как правило, занимает главенствующие позиции в системе семейных и межличностных отношений, объясняет популярность этой триады среди участников нашего эксперимента.

Этому пороку подвержены и женщины, и мужчины, они воспринимают его как негативную, разрушающую эмоцию – *боль, скандал, неуверенность, неадекватное поведение, непонимание, переживания, болезнь, предательство, унижения, развод, одиночество, отчуждение, слезы, бессонные ночи, убийство, самоубийство, угрозы* и пр.

Относительно грамматической категоризации концептов в национальном языковом сознании отметим, что носитель языка при репрезентации концепта в конкретном речевом акте выбирает и его грамматическую форму. Как правило, чаще всего концепт объективируется посредством существительного, реже – с помощью прилагательного или глагола. Так, анализ частеречной номинации исследуемых концептов показал, что в языковом сознании таджикского этноса исследуемые концепты представлены именами существительными, о чем свидетельствуют наибольшее количество реакций на оба слова-стимула – зависть и ревность. Данная тенденция обусловлена не только собственно лингвистическими причинами, но и обуславливается совокупностью ряда экстралингвистических факторов.

В третьем параграфе «Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей русского языка» на основе полученных от респондентов реакций диссертант констатирует, что русские мужчины и женщины завидуют примерно одинаково.

Мужская и женская выборки показали, что особых отличий в предмете зависти не было выявлено. Особым пунктом следует выделить факт, что русскоязычные представительницы прекрасного пола, проживающие в Республике Таджикистан, завидуют чисто восточной традиции иметь большую семью, где крепкие родственные связи не просто поддерживаются на всех уровнях, но и повсеместно культивируются. Это можно объяснить именно территориальным фактором, поскольку россияне достаточно ответственно подходят к вопросу планирования семьи, выстраиванию отношений с родственниками, что подразумевает вполне рациональные ограничения и предпочтения. Для подавляющего же большинства таджиков каждый рожденный ребенок (независимо от их количества) приходит в этот мир со своим «уделом» (насиба) и независимо от обстоятельств станет-таки его обладателем. Культ гостеприимства свойственен таджикскому народу, и к гостю в каждом таджикском доме относятся с явным уважением, почитанием, поскольку «гость - это посланник Бога» (Мехмон - атои Худо).

Мы полагаем, что в скором времени для немногочисленной группы молодых русскоязычных таджикистанцев данный фактор уже не будет входить в спектр предметов зависти ввиду неизбежной культурной интеграции с традициями таджикоязычного этноса.

К весьма неоридинарным, хотя вполне конструктивным, предметам зависти можно отнести материнский капитал, выплачиваемый российскими властями в целях борьбы с демографическим кризисом в стране.

Осуществление грамматической категоризации для русской языковой общности происходит в основном за счет существительных, прилагательных, наречий, глаголов. Зафиксированы коллокации – прилагательное+существительное, глагол+существительное, наречие+местоимение и другие словосочетания - *желтая зависть, врожденное качество, всегда со мной, змея подколотная*. Как следствие, можно говорить о наличии образного мышления и о богатстве ассоциаций.

Лексическая реализация концепта «ревность» русскими таджикистанцами - участниками АЭ показала, что подавляющее большинство реакций отличается интенсивной негативной коннотацией. Очевидна разрушающая природа ревности

(уязвленное самолюбие, болезнь, разочарование, неуверенность в себе, патология, кровоточащая рана, приступ ревности).

Особый интерес вызвала метафоричность (*ревность точит, гложет, терзает, колит, ранит, жалит, кусает, грызет*) и метонимичность (*заноза, нож в сердце, где шипы, там и розы, черная сестра любви*) некоторых реакций.

Несмотря на отсутствие в русском языке строгой системы цветообозначения при вербализации концепта «ревность», респонденты использовали традиционно отрицательные цветовые ассоциации – *черная и серая ревность, черная сестра любви, черная кровь в жилах*.

Среди ассоциаций имеют место и имена героев прецедентных текстов – *Анна Каренина, Отелло, узник замка Иф*.

Данный факт, кстати, может свидетельствовать о том, что знакомство с произведениями классической литературы и фактами биографии их авторов продолжает оставаться важнейшим показателем эрудированности как для русскоязычных таджикостанцев, так и для этнических таджиков.

Следует обратить внимание на количественное превосходство реакций на слово-стимул «зависть» при анализе таджикоязычной и русскоязычной выборки. Причина этого дисбаланса видится нам в том, что ревность причиняет гораздо больше страданий нежели зависть; следовательно, проявляется факт нежелательности этого чувства для человека и ограниченности ситуаций, позволяющих выразить ревность публично.

Однако относительно грамматической категоризации полученных реакций, важно указать на достаточно широкий спектр их частеречной актуализации: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, служебные части речи используются не только отдельно, но и во всевозможных комбинаторных словосочетаниях (*во всем виноват феминизм, не ревнует - не любит, нож в сердце, портит все*)

Анализ показал определенную схожесть восприятия зависти и ревности между таджикоязычными и русскоязычными участниками эксперимента, что дает право говорить о частичной интеграции языкового сознания людей, проживающих вне их этнической территории, с языковым сознанием местных этнических групп. Хотя эмоциональные концепты настолько универсальны, что единственным сдерживающим фактором их проявления можно считать лишь определенные социальные ограничения.

В эпицентре **четвертого параграфа последней главы «Результаты ассоциативного эксперимента среди носителей английского языка»** была предпринята попытка выявить насколько выделенные учеными национальные черты англичан относительно проявления ими эмоций зависти и ревности проявятся при анонимном анкетировании, которое, понятно, предполагает снятие ограничительных факторов, весьма актуальных в реальных ситуациях общения.

Здесь, также как в русской и таджикской лингвокультурах, следует отметить двойственную природу зависти. Семантика зависти как «чувства досады, раздражения, вызванного превосходством, успехом, благополучием другого» может быть ограничена конкретными коммуникативными условиями, каких, как правило, подавляющее большинство. Однако бывают и ситуации, когда «envy» приобретает смысл, абсолютно противоположный словарной дефиниции зависти. Так, для представителей английской лингвокультуры зависть иногда сродни одобрению и радости по поводу успехов и благополучия собеседника, желание говорящего быть на месте косвенного объекта - *desire, sportsmanship, zeal and energy*. Хотя эта положительная тенденция свойственна только мужской половине респондентов. Помимо этого, англичане (мужчины) апеллируют к чувству зависти в политическом аспекте – *Brexit, UK's COVID vaccine*. Мы полагаем, что данные реакции следует рассматривать как интенцию англичан вызвать зависть или констатировать ее наличие со стороны теперь уже бывших государств – партнеров по Европейскому союзу.

В целом же, «английская» зависть представляет отрицательную семантику (*backbite, malice, greed, ill-will*) для представителей обеих гендерных групп. В зависти видят клиническую патологию (*jaundice*) и религиозно-негативную трактовку (*deadly seven sins, lack of Christian charity*).

Английская зависть дублирует цветообозначение своей «русской коллеги» - *to green with envy, black/white envy*, что свидетельствует об универсальности этой эмоции и способах ее вербальной объективации во всех рассматриваемых лингвокультурах.

Весьма интересным является следующая лингвокультурологическая особенность: английская выборка, в отличие от таджикской и русской, не показала широты предметов зависти; было выявлено всего три единицы – *coveting another wife, marring a rich man, lusting after another's goods*. Возможно, это связано с тем, что чувство зависти, как одно из сильнейших эмоциональных состояний, идет вразрез с основополагающими принципами национального характера, который предполагает жесткий самоконтроль и так называемую декультивацию частной жизни. Зафиксирована и табуированная лексическая единица - *lousy bastard*, называющая, по всей видимости, объект зависти, что позволяет говорить об «активной» зависти, граничащей с ненавистью.

Грамматическая категоризация полученных реакций отличается относительным разнообразием – представлены и существительные, и прилагательные, и глаголы: *malevolence, arrogant, covet, rivalry, longing*. Однако следует констатировать некую ограниченность использования такой синтаксической единицы, как словосочетание - *malicious envy, the evil eye, bad sportsmanship*.

Важно обратить внимание на чисто английскую языковую традицию: достаточное количество реакций англоязычных участников эксперимента представлено идиомами или содержат идиоматический компонент.

В ходе исследования было выявлено наличие вспомогательных средств-интенсификаторов, в частности лексические единицы так называемого сниженного тона - сленг, жаргон, вулгаризмы и просторечия: *cold/unfeeling/dirtybitch, sentimental fool, plenty of fans there drooling over smb*. Мы полагаем, что такое сочетание существительных и прилагательных, свойственное неформальному стилю речи, вполне объяснимо – это единственный формат общения для англичан, позволяющий объективировать чувство ревности, ввиду полнейшего табуирования демонстрации всякого рода эмоций в «официальном» режиме коммуникации.

Анализ и мужской, и женской выборки показал неоднократное использование бранных слов: *bitch, whores*.

Некоторые респонденты объективировали эмоцию ревности, используя лексические единицы семантики нечистой силы: *hell, helluva, devil*.

Присутствует также цветное обозначение (*yellow-eyed, green-eyed monster*) и зооморфное (*puppy love*) определение ревности. Зафиксировано и обращение к прецедентным текстам. Весьма неожиданной стала реакция «*Happy families are all alike; every unhappy family is unhappy in its own way*» («*Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*») – первое предложение романа Л.Н. Толстого «*Анна Каренина*»), поскольку она выдает или ярого поклонника русской классической литературы, или славянские корни респондента.

Ревность и зависть изначально трактуются англичанами как эмоции, которые испытывают люди неуверенные в себе, в своих силах и возможностях, что априори чуждо английской национальной традиции. Мы уверены, что данный факт объясняет и количественное «отставание» реакций на слова-стимулы «зависть» и «ревность», полученных от англоязычных респондентов по сравнению с представителями таджикской и русской лингвокультур.

Таким образом, концепты «зависть» и «ревность» получили в рамках нашего исследования следующую интерпретацию:

Зависть англоязычных респондентов отличается достаточно скупой манифестацией (всего 52 позиции; для сравнения: русс. – 102 реакции, тадж. – 86 реакций, хотя количество англоязычных участников АЭ явно уступает русскоязычному и таджикоязычному контингенту), что вовсе не означает, мы уверены, такой же ограниченный эмоциональный спектр.

Интересно, что интерпретация реакций не показала широкой структурной «наполняемости» ни в мужской, ни в женской выборках. Возможно, следует отнести к национальной специфике, которая, напомним, жестко контролирует любое проявление эмоций на людях.

Попытка интерпретировать полученные реакции на слово-стимул «ревность» позволила сделать вывод о том, что англичане-мужчины эмоционально более «закрыты» нежели англичанки. Возможно, эту тенденцию объясняют исконно английские поведенческие традиции, которые жестко регламентируют проявление даже базовых эмоциональных паттернов – неотъемлемых спутников личной жизни. Хотя негативная трактовка ревности очевидна для представителей обоих полов.

В **Заключении** подводятся и формулируются основные итоги исследования. В частности, в реферируемой диссертации констатируется, что изучение проблематики концептов в сопоставительном плане являются основополагающими в аспекте динамичного развития междисциплинарных исследований. Данная работа, возможно, внесет вклад в развитие научной парадигмы отечественного языкознания.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ НАШЛИ ОТРАЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

а) статьи, опубликованные в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданиях ВАК РФ:

1. **Раджабова, Г.С.** Репрезентация концепта «зависть» в пословицах и поговорках таджикского, русского и английского языков // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2019. – № 7. – С. 124-126.
2. **Раджабова, Г.С.** Эмоционально-художественный потенциал концепта «зависть» и его языковая актуализация (на материале таджикского, русского и английского языков) // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2020. – № 3. – С. 127-130.
3. **Раджабова, Г.С.** Метафорический аспект концепта «Ревность» в поэтическом дискурсе (на материале таджикского, русского и английского языков). // Вестник педагогического университета. Серия филологических наук. – 2020. - № 2(85). - С. 64-69.
4. **Раджабова, Г.С.** Дефиниционный анализ концептов «зависть» и «ревность» в таджикском, русском и английском языках // Вестник таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2022. – № 1. – С. 132-139.
5. **Раджабова, Г.С.** Ассоциативный эксперимент в исследовании концепта «ревность» в таджикском и английском языках // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук № 4. – 2023. – С. 151-156.

б) статьи в сборниках научных трудов

6. **Раджабова, Г.С.** Вербализация концепта «зависть» в паремиологическом фонде таджикского и английского языков // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук: сборник материалов научно-практической конференции «IX

- Ломоносовские чтения». – Душанбе: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. – 2019. - С. 104-107
7. **Раджабова, Г.С., Холмуродова М.Ф.** Эмоциональные концепты «зависть» и «ревность» в английской, русской и таджикской художественной литературе // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук: сборник материалов научно-практической конференции «IX Ломоносовские чтения». – Душанбе: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. – 2019. - С. 108-110
 8. **Раджабова, Г.С.** «Ревность» в поэтическом дискурсе (на материале таджикского, русского и английского языков) // Современные проблемы естественных и гуманитарных наук и их роль в укреплении научных связей между странами: сборник статей Международной научной конференции посвященной 10-летию Филиала МГУ им. М.В.Ломоносова в г. Душанбе. – Душанбе: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. – 2019. - С. 220-223
 9. **Раджабова, Г.С.** Envy vs. Jealousy: extra-linguistic analysis // Гуманитарные науки: сборник материалов научно-практической конференции «X Ломоносовские чтения» посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). – Душанбе: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. – 2020. – С. 60-63
 10. **Раджабова, Г.С.** The study of mental lexicon via free word association method // Вестник Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. Серия гуманитарных и экономических наук. – 2020. – С. 51-54.
 11. **Раджабова, Г.С., Рузиматова, С.Р.** Word association experiment as a method of exploring the concept ‘envy’ in Tajik Language // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук: сборник материалов научно-практической конференции «XI Ломоносовские чтения». – Душанбе: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. – 2021. – С. 252-255
 12. **Раджабова, Г.С., Тошева Г.А.** Ассоциативный эксперимент концепта «ревность» в таджикском языке // Гуманитарные науки: сборник материалов международной научно-практической конференции «XIII Ломоносовские чтения», посвященной 115-летию академика Б. Гафурова, – Душанбе: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе. – 2023. – С. 229-233